

требность народа в образовании, культурно-просветительская деятельность благотворительных учреждений стала, таким образом, необходимым элементом общественной жизни Пермской губернии.

Примечания

¹ Пермская земская неделя. 1907.

² Очерк пятидесятилетней деятельности состоящего под непосредственным Ее Императорского Величества государыни императрицы Марии Федоровны покровительством Пермского Дамского Попечительства о бедных по Убежищу детей бедных 1865–1915 гг. Пермь, 1915. С. 12.

³ Варфоломеева О.М. Очерк по истории организации дошкольного воспитания на Урале. М., 1958. С. 18.

⁴ Государственный архив Пермского края. Ф. 67. Оп. 1. Д. 26. С. 4.

⁵ Отчет Правления о деятельности Общества Содействия Начальному образованию при Пермском Кирилло-Мефодиевском приходском мужском училище с 1 октября 1910 г. по 1 октября 1913 г. Пермь, 1911. С. 33.

⁶ Пермская земская неделя. 1907. № 34. С. 31.

⁷ Варфоломеева О.М. Указ. соч. С. 12.

*С.А. Дианов
(Пермь)*

«СТРОГО БОРОТЬСЯ С ПРОНИКНОВЕНИЕМ ОБЫВАТЕЛЬСКОГО И МЕЩАНСКОГО РЕПЕРТУАРА...»: ЦЕНзуРА ЗРЕЛИЩ НА УРАЛЕ В 1920–1930-е гг.

Изучая особенности формирования и развития культурного пространства Урала в период его индустриализации, исследователь неизбежно сталкивается с феноменом цензуры. Сегодня цензура рассматривается как социокультурный институт, являющийся неотъемлемым элементом цивилизации¹. Не вызывает сомнения утверждение, что именно от политического режима зависит, превращается ли цензура в инструмент подавления демократии или ее защиты.

Период 1920–1930-х гг. являлся как раз тем переломным моментом, когда правящий режим выбирал варианты применения цензуры к культурным процессам, протекающим в центре и на периферии. Целью настоящей публикации является реконструкция механизмов политико-идеологического контроля культурной жизни Урала на примере цензуры зрелищных мероприятий.

Главное цензурное ведомство на Урале было учреждено как автономное структурное подразделение в составе Уральского отдела народного образования 1 января 1923 г. и получило аббревиатуру «Уралоблит»². Процесс организационного строительства его местных органов (улиты, окрлиты, райлиты) занял достаточно долгое время. В конечном счете полномочия цензоров были возложены на администрацию местных отделов народного образования³.

Секретные циркуляры Главлита РСФСР один за другим обозначали уральским цензорам объекты политического, экономического и военного контроля: местная печать, библиотеки, книготорговая сеть, радиовещание и, конечно, зрелищные мероприятия. На базе циркулярных распоряжений Главлита Уралоблит разрабатывал собственный инструктивный материал.

В январе 1923 г. Уралоблит направил уездным цензорам под грифом «совершенно секретно» инструкцию «Руководство по цензуре зрелищ»⁴. В этом документе впервые были намечены направления цензуры зрелищ: «а) цензура государственных и частных театров, цирков, клубов и проч. зрелищ различного типа (профессиональных, самодеятельных, красноармейских, крестьянских, рабочих, постоянных пере-

движек, оперных, драматических и т.п.); б) цензура кинематографических снимков; в) цензура фотографических снимков, предназначенных для публичного обозрения; г) цензура художественных, сельскохозяйственных и пр. выставок...». Кроме того, инструктивный материал содержал перечень возможных произведений, запрещенных к публичному представлению. Наряду с «антисоветскими», «злобно карикатурными», «порнографическими» произведениями запрещалась постановка тех, которые могли «своей нехудожественностью» понизить и без того низкий культурный уровень рабоче-крестьянских масс.

С того времени прежде чем поставить спектакль, устроить цирковое представление или художественную выставку, их организаторы были обязаны представить цензору на просмотр весь материал предполагаемого зрелищного мероприятия. Уплатив цензовый сбор и устранив замечания цензора, организатор представления получал так называемую «разрешительную визу»⁵. С 12 января 1923 г. на всей территории Урала без визы цензора строго запрещалась расклейка афиш, плакатов с сообщениями о предстоящих «увеселительных» мероприятиях. Виновные в нарушении данной нормы подлежали административной ответственности с наложением штрафа в размере 500 руб.⁶

21 сентября 1923 г. Уралоблит в секретном циркуляре № 509/с предписывал уездным цензорам осуществить целый ряд действий запретительного характера. Во-первых, не под каким предлогом не разрешать эстрадных номеров, «демонстрирующих культ нагого тела». Речь шла о запрете пластических танцев — танго, фокстрота, шимми и т.п. «В отдельных местах танцы используются также предпринимателями для сводничества и всяких других грязных дел, приносящих им крупные доходы...», — говорилось в циркуляре⁷. Во-вторых, Уралоблит обращал внимание цензоров на недопустимость в репертуаре театров, филармоний номеров политической сатиры. Объявлялись неприемлемыми в номерах артистов любые намеки на явления политической жизни страны. В-третьих, в обязанность цензорам вменялась организация совместно с Политконтролем ГПУ акций, направленных на изъятие в клубах, трактирах и кафе запрещенных Главреперткомом РСФСР к воспроизведению грампластинок. Среди граммофонного репертуара, предназначенного к изъятию, числились цыганские романсы, популярные в народе песни «Варяг», «Вечерний звон», «Шумел, горел пожар Московской»⁸.

17 января 1924 г. усилиями Уралоблита вышла в свет очередная его «Инструкция по контролю за репертуаром»⁹. «Наша очередная задача, — говорилось в документе, — заключается сейчас в том, чтобы всеми силами ослабить отраву буржуазной идеологии и морали». Вводилось деление зрителей на «нэпманские» и «рабоче-крестьянские массы». Если первым разрешался просмотр пьес и опереток «пикантного мещанского» содержания («Испанская мушка», «Змейка», «Ночь любви», «Тайна Гарема» и др.), то для последних подобный репертуар был категорически запрещен. Деятельность профессиональных трупп, курсировавших без визы цензоров из города в город, объявлялась «халтурой», с которой необходимо бороться. Далее подчеркивалась недопустимость творчества кулестистов-сатириков, работавших в жанре политической сатиры. Исполнение пластических танцев в среде «нэпманской публики» вновь определялось как «вульгарная пошлость».

В той же «Инструкции...» Уралоблит предписывал цензорам усилить внимание к цензуре кинолент. В частности, запрет налагался на допуск в кинопрокат детективных лент, своеобразного «искусства для искусства»¹⁰. «Сентиментально-любовные» драмы, пропагандирующие «буржуазно-мещанский быт», также не подлежали просмотру широкой публики. К кинопрокату не допускались и ленты, содержащие элементы эротики, религиозного «фанатизма», «бульварной пинкертоновщины» и др. В крайне ограниченном количестве рекомендовалось допускать в прокат «интеллигентские драмы» по произведениям русских классиков.

В середине 1920-х гг. политический контроль за зрелищами на Урале становился еще более предметным. Так, в циркуляре № 6712 от 22 апреля 1925 г. Уралоблит требовал от окрлитов запретить выдачу разрешений на эстрадные номера с выступлениями борцов тяжелоатлетов. Мотив запрета — выступления тяжелоатлетов носят «антифизкультурный характер»¹¹. В октябре 1925 г. очередь дошла до бенефисов. Бенефисы объявлялись «худшим пережитком театра», вызывающим антагонизм и «дрягни» в театральной среде¹². Вместе с тем, циркуляр Главлита № 269/с от 1 июля 1926 г. освободил от предварительной цензуры репертуар рабочих клубов: песни, куплеты, инсценировки, агитсуды, пьесы, тексты красных посиделок и т.п. Творчество рабочих коллективов объявлялось неприкосновенным.

Отмечая стремление Уралоблита выполнить приказы Главлита и взять под бдительный контроль все сферы культурной жизни региона, необходимо иметь в виду слабость его низового аппарата. Анализ отчетных документов окрлитов за вторую половину 1920-х гг. дал следующие результаты. Во-первых, в большинстве округов Уральской области цензура зрелищ производилась выборочно и не приобрела постоянного характера. Нередко окрлиты допускали к постановке пьесы, эстрадные номера, запрещенные Главреперткомом РСФСР. Так, в циркуляре «Всем зав. Окроно и окрлитам» от 3 декабря 1926 г. Уралоблит жестко критиковал подобное «бездействие» Кунгурского, Ирбитского, Златоустовского, Ишимского окрлитов¹³. Репертуар местных театров и филармоний имел все признаки «идеологически вредной халтуры», «отдающей старым уездно-мещанским душком». Целый ряд постановок был признан «явно недопустимым» с точки зрения репертуарной политики СССР.

Во-вторых, вне поля зрения окружной цензуры оставались выступления театральных трупп, гастролировавших то в одном, то в другом районе округа, а также такие мероприятия, как антирелигиозные диспуты. 14 декабря 1926 г. Уралоблит в очередном обращении к окрлитам потребовал запретить выступления артиста А.К. Ярославского с программой антирелигиозного содержания. «Своими выступлениями, — говорилось в циркуляре, — он дискредитирует антирелигиозную пропаганду и вводит в заблуждение, так как во многих городах его принимают за тов. Е. Ярославского»¹⁴. В отчете Ирбитского окрлита от 22 марта 1927 г. содержалась информация о гастролях в округе труппы артистов под руководством «безработного» Алешечкина. Репертуар труппы квалифицировался как «низкопробный»¹⁵. Однако цензор не предпринял никаких мер к предотвращению гастролей труппы.

Действия цензоров подвергались критике не только со стороны их непосредственного руководства. В феврале 1928 г. редакция Кунгурской окружной газеты «Искра» обратилась в Уралоблит с жалобой на деятельность заведующего окрлитом¹⁶. «В городском саду, а теперь в клубах зачастую идут постановки таких пьес, которые

иначе как халтурой назвать нельзя...», — отмечалось в жалобе. Окрлит же бездействовал в силу «перегруженности». Далее редакция «Искры» ставила вопрос о возможности создания в округе репертуарной комиссии и передачи ей функций цензуры зрелищных предприятий.

В начале 1930-х гг. цензура зрелищ на Урале по существу не претерпела изменений. Циркуляры Уралоблита продолжали призывать цензоров к «большевистской бдительности» в деле контроля над театральным-эстрадным репертуаром. В отчете в Главлит РСФСР за июнь 1932 г. заведующий Уралоблитом А. Ослоновский прямо отмечал неудовлетворительную работу своих подчиненных. «Классического репертуара с закрытием зимних сезонов теперь нет, — писал Ослоновский. — В преобладающем числе случаев репертуар был мещанского характера, состоящий преимущественно из пьес-фарсов, водевилей и одноактных пьесок Чуж-Чуженина»¹⁷. В г. Свердловске театр «Муха» беспрепятственно произвел постановку нескольких спектаклей, которые Ослоновский охарактеризовал как «ужасающая водевильщина в стиле Гюи де Мопассан». В итоге Уралоблит предпринял «решительные меры» и запретил постановку 50 % репертуара «подобных» театров. В целом за июнь 1932 г. по г. Свердловску и прилегающим соседним районам Уралоблит подверг цензуре 153 постановки, из которых на 20 был наложен запрет¹⁸.

Без внимания Облита не обходилась и реклама зрелищных мероприятий. Усилия его руководителей были направлены на искоренение «нездоровой» рекламы, «зачастую вводящей в заблуждение советского зрителя»¹⁹. 10 июля 1932 г. в секретном циркуляре № 83/с Уралоблит требовал от рай-горлитов принять все меры для того, чтобы реклама зрелищ носила исключительно информационный характер²⁰. С того времени в афишах и анонсах спектаклей, представлений, эстрадных номеров запрещалось указывать по отношению к артистам такие эпитеты как: «всемирно-известный», «знаменитый», «мировой», «известный исполнитель», «премьер гостеатров», «артист гостеатров», «после возвращения из-за границы» и т.п. В дополнение ко всему циркуляр содержал предписание не допускать перепечаток в афишах «хвалебных рецензий» заграничной прессы. В других циркулярах Уралоблит настойчиво предлагал сократить в районах объем выпускаемых театральных афиш, производить их печатание только на цветной бумаге строго определенного формата²¹.

Начиная с весны 1933 г. в райлиты Уральской области стали поступать циркулярные распоряжения Облреперткома. Это учреждение было образовано в качестве самостоятельного отдела в структуре Уральского областного отдела народного образования. Именно ему в мае 1934 г. Свердловский Облит приказом № 38 передал полномочия по осуществлению функций цензуры зрелищ. До того времени местные органы Главлита продолжали осуществлять политический контроль за зрелищными мероприятиями.

21 мая 1933 г. Облрепертком обязал местные Литы ежемесячно предоставлять отчеты о состоянии цензуры зрелищ в районе/городе/округе. С этой целью на места было направлено «Инструктивное письмо об организации проверки музыкально-эстрадного репертуара в районах»²². В инструкции цензорам рекомендовалось более пристальное внимание уделить выступлениям эстрадных исполнителей. «Мы имеем факты, — говорилось в инструкции, — когда вполне приемлемый текст поется на негодную музыку и больше того — берется определенная музыка опереточно-

шантанного характера и к ней поддельваются слова о смене, о колхозе, о строительстве». Районным цензорам указывалось на полезность создания в районе «актива товарищей», которые бы оказывали компетентную помощь последним в деле цензуры эстрадного репертуара.

12 июня 1933 г. в обращении «Ко всем райлитам» Облреспубликом указывал на факты свободного «оперирования» по территории области различных исполнителей-одиночек, бродячих трупп, концертных бригад, репертуар которых не был визирован органами цензуры. Приводились конкретные примеры. В Куртамышском районе артист «восточных цирков» Валя Гурков демонстрировал населению прыжки «с 8-ми аршинной башни» и «хождение с самоваром на голове»²³. Отмечая «безыдейность» подобных номеров, Облреспубликом требовал от цензоров не допускать к работе «всякие приезжающие бригады».

Таким образом, мы утверждаем, что к середине 1930-х гг. власть отдала предпочтение варианту поэтапного свертывания свободы творчества. В то же время институт цензуры получил карательную функцию.

26 февраля 1934 г. СНК РСФСР принял постановление о передаче функции цензуры всеми видами зрелищ от Главлита Главреперткому и его местным отделам²⁴. Выше уже отмечалось, что с мая 1934 г. в районах Урала начальники райлитов передали эти полномочия уполномоченным Облреспубликома. Созданный институт уполномоченных должен был более компетентно осуществлять и предварительную, и последующую (карательную) цензуру зрелищ. Начиная с середины 1930-х гг. контроль за зрелищными мероприятиями в регионе стал приобретать тотальный характер.

Примечания

¹ Левченко И.Е. Парадоксы цензуры // Цензура и доступ к информации: история и современность. Тез. докладов Междунар. науч. конф. СПб., 2005. С. 106–107.

² «Уралоблит» — Уральское областное управление по делам литературы и издательств.

³ «Без визы не допускать...»: политическая цензура на Урале в период НЭПа: Сб. архивных материалов / Вступ. ст., сост. и ред. С.А. Дианов. Пермь, 2009. С. 22–26.

⁴ Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

⁵ Там же. Л. 3–3 об.

⁶ Там же. Л. 13 об.

⁷ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 39–39 об.

⁸ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 34.

⁹ ЦДООСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 64. Л. 52–53.

¹⁰ Там же. Л. 53.

¹¹ Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 3. Л. 26.

¹² Там же. Л. 61.

¹³ Государственный архив в г. Ирбите. Ф. Р-472. Оп. 1. Д. 4. Л. 6.

¹⁴ Там же. Л. 153.

¹⁵ ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 894. Л. 6–6 об.

¹⁶ Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-307. Оп. 1. Д. 1. Л. 44.

¹⁷ ГАСО. Ф. Р-577. Оп. 1. Д. 2. Л. 3 об.

¹⁸ Там же. Л. 4.

¹⁹ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 70. Л. 15.

²⁰ Там же. Л. 15.

²¹ Там же. Л. 16.

²² ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 88. Л. 27.

²³ Там же. Л. 9.

²⁴ ГАПК. Ф. Р-684. Оп. 3. Д. 111. Л. 78.